

Максим Кузнецов — красноярский кинорежиссёр и киносценарист. «Красноярский кинорежиссёр» — само по себе звучит как парадокс, поскольку в нашем городе никогда не было настоящей киноиндустрии. Снимать кино в Красноярске — всё равно что выращивать бананы за полярным кругом, но энтузиасты всё-таки находятся. И один из них — Максим Кузнецов. Всю свою жизнь он упорно стремится делать настоящее игровое кино. И ведь приходится это делать почти без какой-либо поддержки — на чистом энтузиазме.

Я сам участвовал в паре проектов Максима и на себе испытал, насколько это трудное и изматывающее, но одновременно и захватывающее занятие. Буквально за каждый кадр приходится платить кровью и потом. Поэтому для меня творчество Максима Кузнецова, помимо прочего, ещё и памятник неукротимости творческого духа человека.

Лишь малая часть киноидей режиссёра была реализована, большинство же сценариев легли в стол.

Хотелось бы познакомить вас с литературной стороной творчества Максима Кузнецова — с его киносценариями.

Киносценарий — это особый жанр, требующий особого подхода к построению сюжета. Обратите внимание на специальные пометки перед началом каждой сцены: «ИНТ» означает «интерьер», то есть съёмка в помещении, «НАТ» означает «натура», то есть съёмка под открытым небом, на улице.

Дмитрий Косяков

Гордый «Варяг»

.....
Сценарий короткометражного фильма

ИНТ. КОНЦЕРТНЫЙ ЗАЛ. ДЕНЬ

В полумраке пустого концертного зала, за кулисами, гулко раздаются голоса и шум передвигаемой мебели. Пол сцены, когда-то сделанный из хорошо подогнанных гладких досок, теперь в плачевном виде. От старости в дереве образовались корявые выбоины и щели. Поскрипывая, ржавые колёсики рояля катятся по бугристой поверхности пола. Несколько рабочих, пыхтя и упираясь, катят по сцене чёрный рояль. У одного на ногах старые,

в заплатках, кеды. Неожиданно одно колёсико проваливается и застревает в щели пола. Рабочие негромко ругаются и что есть силы довольно бесцеремонно толкают инструмент.

НАТ. ПРОЕЗЖАЯ ЧАСТЬ УЛИЦЫ. ДЕНЬ

На проезжей части улицы стоит красный перламутровый «Хаммер». В задний бампер джипа уткнулась старенькая иномарка с приплюснутым капотом. Вокруг на асфальте разбросаны цветные пластмассовые осколки. Из «Хаммера» выходит крепкий парень, он морщится, как от зубной боли, и шаркающей небрежной походкой идёт к иномарке. Из иномарки выбирается пианист — невысокий человек с длинными волосами, он напуган, на рассечённой брови выступила кровь. С пассажирской стороны «Хаммера» к легковушке подходит второй крепкий парень, на его лице играет глумливая улыбка.

ВТОРОЙ КРЕПКИЙ ПАРЕНЬ. Ну ты, мужик, попал.

ПИАНИСТ. Ничего не понимаю... я же тормозил, Я на педальку жму... а машина едет и едет... и прямо в вас...

Крепкий Парень ничего не говорит, приседает на корточки и трогает толстым, как сосиска, пальцем взлохмаченный кусок пластмассы.

ПИАНИСТ. Ну, главное, тормозил же! Педалька провалилась, я на неё жму, а она вниз ушла, провалилась... и главное — ведь ничего уже не поделаешь!

Крепкий Парень с нескрываемым презрением смотрит на обалдевшего от несчастья Пианиста и неожиданно говорит писклявым, никак не подходящим к его габаритам голосом.

КРЕПКИЙ ПАРЕНЬ. Ты, пи-идалька, смотреть надо, куда едешь. Чё рот открыл? Глазёнками смотреть надо. Вот как сейчас смотришь, так и надо смотреть, когда за рулём едешь!

ПИАНИСТ. Я говорю вам, что смотрел. Если машина не тормозит, что я могу сделать?

Заметно невооружённым глазом: Пианист не знает, как нужно разговаривать с такого сорта людьми, и обыкновенно боится наглцов.

КРЕПКИЙ ПАРЕНЬ. Да мне по барабану, можешь ты сделать или нет, следить надо за тормозами. А если ты камикадзе и тебе по фигу, тормози в дерево или столб. Я что, Бэтмен, всяким лохам свой бампер подставлять?

ВТОРОЙ КРЕПКИЙ ПАРЕНЬ. Э-э, я не понял: чё ты разговариваешь? Если есть, кто за тебя впряжётся,— звони, перетрём, давай, стрела здесь, прям на месте!

Пианист неожиданно с вызовом смотрит на бандитов.

ПИАНИСТ. Да, конечно, мне есть кому позвонить... есть мне... есть кому позвонить.

Трясущимися руками Пианист достаёт из кармана телефон.

ИНТ. КОРИДОР. ДЕНЬ

По узкому длинному коридору спешным шагом двигаются приятели ГРИША и САША—немолодые, но бодрые сорокалетние мужчины. У Саши звонит мобильник.

САША (*в мобильник*). Аллё. Чего? Авария? Да, не повезло! Куда приехать?!

Саша—высокий, тёмный, с длинными волосами, в кожаной куртке. Гриша—мал ростом, стрижен до короткого ёжика, одет в майку с длинными рукавами и джинсы. Саша останавливается, некоторое время слушает телефон.

САША. Что за бред?! Какие разборки?.. Мы живём в цивилизованной стране. Да, да, мы сейчас уже не приедем. Это бред какой-то—на разборки ездить: братва, трэш-мнёшь—ну смешно!

Саша, разговаривая по телефону, продолжает идти по коридору. Гриша идёт рядом и безучастно прислушивается к разговору.

САША. У нас правовое государство, никого не слушай, звони в ментовку. Вообще никого не слушай. Всё, абстрагируйся от ситуации, звони ментам. С этими даже не разговаривай, что бы они тебе ни говорили, в сторону отойди и жди дэпээсников...

За стеной коридора глухо играет барабанная установка. В коридоре появляется продюсер АРТУР, ему около двадцати пяти лет, у него модная стрижка, брендовые джинсы и рубашка. Увидев приятелей, идущих навстречу, Артур круто разворачивается на сто восемьдесят градусов и бежит, вызывая у друзей бурю негодования.

ГРИША. Стой!

Саша бросается в погоню, рыча, как разъярённый лев. Артур выбегает на лестницу, сбегает вниз по пролёту, ныряет в неприметную дверь.

Оказывается в небольшом квадратном зале. Дверь с шумом распахивается, в зал вламываются Гриша и Саша. Артур выхватывает из кучи театрального реквизита деревянный меч и начинает им воинственно размахивать. Здоровяк Саша выкатывает из того же театрального хлама огромную картонную бочку и, изобразив зверское выражение, поднимает бочку над головой. Артур испуганно кричит и бросает меч на пол.

АРТУР. Ну всё... всё! Ну хорош! Ну харэ!

ГРИША. Чё ты бегаешь? Чё ты... думаешь, мы тебя не вычислим?!

АРТУР. Да потому что! Если бы я вас тупо через час встретил... то рассчитался бы, без бэ.

САША. Чего ты свистишь?! Свистеть—не кули ворочать.

ГРИША. Это твоё «без бэ» мы уже сколько слышим?

САША. Да уже... третий месяц пошёл!

АРТУР. Ну, заказчик только сейчас разродился. Ты же знаешь этого гондураса, он тянет до последнего. Вот он сейчас в «Кристалле» мне деньги отдаст. Не верите? Пошли со мной!

Саша и Гриша сразу сменяют гнев на милость.

САША. Ну пойдём. Но у нас концерт.

Артур чувствует перемену в ситуации и начинает говорить с друзьями в своей обычной снисходительной манере.

АРТУР. Да забейте на этот концерт. Или чё, вам тут деньги платят?

ГРИША. Ладно, считай, мы тебе поверили. После концерта мы идём в «Кристалл», где ты нас ждёшь с бабушками.

АРТУР. Ладно, я вас жду.

Артур с достоинством поправляет съехавший набок шарфик и идёт к выходу. На ходу небрежно бросает.

АРТУР. Только это, вы... успевайте до семи. Сегодня типа элитарной вечеринки, после семи никого не пустят.

Гриша бросает взгляд на часы, на его лице появляется горькое разочарование, он протягивает руку в сторону Артура, но продюсера уже нет в комнате.

ИНТ. КОРИДОР. ДЕНЬ

Чтобы наверстать упущенное время Артур рысью бежит по коридору. Коридор поворачивает, и молодой человек оказывается перед ветхой дверью на пружине. Артур толкает дверь и выходит в фойе Дворца культуры.

ИНТ. ФОЙЕ ДВОРЦА КУЛЬТУРЫ. ДЕНЬ

Многочисленные ремонты и перепланировки не смогли до конца уничтожить присутствие советской эпохи в интерьерах дк. С потолка, как и в старое время, свисают пыльные хрустальные люстры, сохранилась тёмная чеканка, изображающая трудовые подвиги, а по углам — дряхлые кресла, помнящие ещё секретарей обкома. Артур ловко маневрирует среди зрителей, которые ровным потоком идут к просторной двери, открытой в зрительный зал. Замечает, как, ЖЕНЩИНА СОРОКА ЛЕТ случайно роняет цветастый буклетик. Парень ловко поднимает вещицу.

АРТУР. Мадам, вы уронили...

ЖЕНЩИНА СОРОКА ЛЕТ. Спасибо, молодой человек.

Артур галантно кланяется и исчезает в толпе. Женщина Сорока Лет прячет буклет в сумочку. Рядом с ней подруга — молодая женщина тридцати лет.

ИНТ. КОНЦЕРТНЫЙ ЗАЛ. ДЕНЬ

Женщины входят в зал. Сцена закрыта ярким малиновым занавесом. Публика занимает места. Заглядывая за спинки кресел, подруги двигаются по ряду.

ЖЕНЩИНА СОРОКА ЛЕТ. Мы живём как на пороховой бочке, это какой-то кошмар. И всё начинается с мелочей. Например, Колина племянница намечает мусора в совок... и спокойно сбрасывает в унитаз.

Женщина Сорока Лет и Подруга находят свои места, усаживаются.

ЖЕНЩИНА СОРОКА ЛЕТ. Так она ещё умудряется и мелочь наметать и в унитаз сбрасывать. А деньги смывать нельзя... их тогда по жизни смывать будет. Лучше бы в мусорное ведро бросила.

ПОДРУГА. А почему в ведро, а не в унитаз?

ЖЕНЩИНА СОРОКА ЛЕТ. Копеечка в ведре — она в общей куче! А деньги любят в кучку собираться, это они, значит, себе другие деньги притягивать будут...

ПОДРУГА. А-а, ты в этом смысле...

На ряд ниже занимает место мужчина тридцати лет. Звучит сигнал телефона. Мужчина вытаскивает из кармана мобильник.

МУЖЧИНА. Да. *(Небольшая пауза.)* Воспоминания о нашей встрече хранятся у меня в том же отсеке памяти, где воспоминания о прошлогоднем снеге. *(Пауза.)* Всё — прошлогодний снег. Я на концерте. Телефон выключаю.

Женщина Сорока Лет и Подруга с любопытством наблюдают сцену откровенного телефонного разговора. Мужчина нажимает кнопку телефона, слышится сигнал выключения мобильного. Женщины следуют примеру Мужчины — достают из сумочек телефоны и выключают.

В зал входит группа младших школьников. Дети вносят оживление в общую массу зрителей, они громко разговаривают и даже пытаются устроить игру в догонялки. УЧИТЕЛЬНИЦА, молодая женщина, рассаживает школьников по местам. Когда все расселись, она обращается сразу ко всем, говорит негромко, но так, чтобы её услышали.

УЧИТЕЛЬНИЦА. Сегодня у вас встреча с прекрасным. Это интересно и в Интернете. В Интернете можно всё найти и всё узнать, но в Интернете невозможно почувствовать живое дыхание искусства... почувствовать пульс жизни, получить непосредственный опыт. Его можно получить только на концерте, когда вы слышите музыку без наушников, когда вы видите сцену, слышите живой голос...

Школьники индифферентно относятся к патетическому обращению своей наставницы, большинство погружено в созерцание телефонов. Учительница тревожно заглядывается в лица детей.

УЧИТЕЛЬНИЦА. А где Кирилл? Кто-нибудь видел Кирилла?

ИНТ. КОНЦЕРТНЫЙ ЗАЛ, БАЛКОН. ДЕНЬ

Балкон располагается сразу над концертным залом. Всё его пространство занято звуковой аппаратурой: мигает лампочками микшерный пульт, на стеллажах — старые магнитофоны и современные мультимедиа. Открывается дверь, на балкон входит Кирилл — мальчуган лет девяти. Он подходит к перилам, смотрит вниз. Публика уже наполовину заполнила зал и продолжает прибывать. Кирилл сияет улыбкой счастливого человека. Пользуясь тем, что его никто не видит, он разводит руки в стороны и машет руками, как крыльями, затем вытаскивает из кармана свёрток новогоднего серпантина и, размахнувшись, бросает серпантин в зал. На балкон заходит ЗВУКОРЕЖИССЁР — сорокалетний мужчина, одетый в старенький джинсовый пиджак с заплатами на локтях.

ЗВУКОРЕЖИССЁР. Ты что в зал бросил? А? Давай отсюда, парень. Здесь детям нельзя!

На балкон заглядывает Учительница.

УЧИТЕЛЬНИЦА. Кирилл, ты почему ушёл без разрешения?

ЗВУКОРЕЖИССЁР. Вот так дети и пропадают. Чуть отвернулись — и он пошёл себе гулять. А если бы тут маньяк какой сидел?

Замечание Звукорежиссёра вызывает бурю негодования.

УЧИТЕЛЬНИЦА. Знаете что?! Для глупых шуток есть масса других поводов! Сразу видно, что у вас своих детей нет.

Учительница берёт Кирилла за руку.

УЧИТЕЛЬНИЦА. Идём отсюда!

Учительница уводит ребёнка. Звукорежиссёр с кислой физиономией смотрит им вслед. Оставшись один, Звукорежиссёр выдаёт гневную тираду.

ЗВУКОРЕЖИССЁР. У меня и чужих нет! Чуть что — сразу: «У нас дети!» А мозги у вас есть, талант какой-нибудь или хотя бы способности?.. Нет, у нас только дети. А что вы можете дать этим детям?

Рация на столе подаёт сигнал вызова. Звукорежиссёр подходит к балкону, смотрит вниз. Из зала ему машет рукой **ТЕХНИК** — молодой человек, худой как дрын, в чёрной майке, в чёрных брюках и рваных кедах. На поясе у него широкий кожаный ремень с рацией и сумочкой для инструмента.

ТЕХНИК (*говорит в рацию*). Тут провод оторвали.

Звукорежиссёр подходит к пульту, двигает несколько ручек, отвечает в рацию.

ЗВУКОРЕЖИССЁР. Я им говорил: заведите под полом, как положено. Если что, я могу с этой линией не работать.

Техник, не обращая внимания на зрителей, усаживается прямо на пол и начинает зачищать концы проводов.

ТЕХНИК. Да нет, всё нормально, я сделаю.

В двух шагах от Техника в кресле сидят **ПЕРВАЯ ДЕВУШКА**, **МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК**, **ВТОРАЯ ДЕВУШКА**. Внешний вид молодых людей красноречиво свидетельствует о принадлежности к креативному классу.

ПЕРВАЯ ДЕВУШКА. Я же на Милоша Формана сходила. Сижу такая в зале, пытаюсь поймать волну великого классика, и тут прямо ко мне, в спортивных штанах «Адидас», с попкорном и пивом, двигается откровенный гопник. Чё он тут делает?!

Первая девушка разговаривает громко, так что её могут спокойно слышать и Техник, и некоторые зрители. Техник скручивая провода, недобрым взглядом поглядывает на продвинутую молодёжь.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. А ты заметила, как он попкорн ел?

ПЕРВАЯ ДЕВУШКА. Нет, конечно.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Он не хрустел! Осторожно достанет зёрнышко, тихо прожует. Чувак, может быть, специально пришёл, вот потянуло чувака к прекрасному, а ты его штанами попрекаешь.

Вторая девушка откровенно удивлена.

ВТОРАЯ ДЕВУШКА. Так я не поняла: а вы что, вдвоём были?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Ну, в общем-то... да.

Колонки на сцене издают неприятный металлический звук.

ИНТ. КОНЦЕРТНЫЙ ЗАЛ, БАЛКОН. ДЕНЬ

Звукорежиссёр подходит к пульту, нажимает несколько кнопок. Затем смотрит в листок бумаги, припиленный к деревянной полке.

ЗВУКОРЕЖИССЁР (*в рацию*). А чё у нас... на сцене три микрофона?

ТЕХНИК. Ну да.

ЗВУКОРЕЖИССЁР. В заявке написано — два. Сходи один убери.

ТЕХНИК. Ага, сейчас!

Техник прячет скрученный провод под ковровую дорожку и быстрым шагом идёт к сцене, поднимается по боковым ступенькам сцены и заходит за занавес.

ИНТ. СЦЕНА. ДЕНЬ

На сцене перед занавесом в три ряда стоит хор — двадцать мужчин во фраках. Перед хором — дирижёр, немолодой мужчина, очень худой, высокий, с жидкими седыми волосами в косице. В левой части сцены за роялем — Пианист, его бровь залеплена пластырем телесного цвета, на бледном лице застыло скорбное выражение.

Техник беглым шагом идёт по авансцене к злополучному микрофону. Дирижёр с молчаливым неодобрением смотрит на Техника. Техник ловко отсоединяет провод, хватая стойку с микрофоном и бежит за кулису. Навстречу ему важно шествует роскошных форм немолодая дама в декольтированном поблёскивающим платье.

ИНТ. ЗА СЦЕНОЙ. ДЕНЬ

Техник в полумраке двигается среди старых декораций, находит фанерную дверь, обклеенную старыми афишами. Пошарив по карманам, находит ключ, после чего некоторое время возится с амбарным замком. Со стороны сцены слышатся аплодисменты. Техник открывает дверь, заносит стойку в каморку, забитую под завязку техническим хламом. В темноте плохо видно, Техник подсвечивает телефоном. В каморке слышно, как конферансье открывает концерт. Слов разобрать

нельзя, но патетические интонации ощущаются даже в глухой подсобке. Пока Техник устраивает стойку, сверху на него падает старая сплюснутая туба. Парень негромко ругается, расставляет всё по местам, выходит из каморки, закрывает дверь. Со стороны сцены слышатся аплодисменты. Некоторое время Техник бродит за сценой, затем выходит в фойе и оттуда в зал, по которому уже разливаются могучие звуки хора.

ИНТ. ЗАЛ ДВОРЦА КУЛЬТУРЫ. ДЕНЬ

В зале темно. Техник на ощупь идёт вдоль стены, спотыкается о ступеньку. Останавливается, смотрит на сцену. На ярко освещённой сцене хор поёт песню о гордом «Варяге». Певцы с суровым выражением на лицах слегка раскачиваются в такт музыке. Среди поющих — Гриша и Саша. Фраки придают друзьям возвышенно-благородный вид, от былого раздолбайства нет и следа, мужчины печальны, как будто перед их мысленным взором крейсер «Варяг» с матросами на корме уходит под воду.

Хор едва успевает пропеть первый куплет, как Пианист неожиданно подпрыгивает на табурете. Не останавливая игру, он смотрит вниз, под ноги. В музыке чувствуется явный сбой. Дирижёр, не останавливая движения руками, поворачивается в сторону Пианиста. Пианист старается играть, его пальцы бегают по клавишам, но смотрит он вниз, под рояль. Правой ногой он нажимает на педаль, но педаль, вместо того чтобы упруго возвращаться на место, лежит на полу. Пианист ещё раз подпрыгивает, да так, что табурет громко валится на пол. Хор смолкает. Возникает тишина, во время которой никто не говорит и не двигается.

Пианист топает ногой и убегает со сцены. Дирижёр делает несколько шагов вслед за Пианистом, потом возвращается, смотрит в зал. В зале возникает лёгкое волнение. Чтобы понять, что происходит, несколько зрителей поднялись со своих мест. Дирижёр собирается что-то сказать публике, он изображает на своём лице ироническое выражение, подходит к краю сцены, наклоняется в зал... и в этот момент за кулисами слышится грохот от падения чего-то тяжёлого. Хористы все как один поворачивают головы в сторону шума. С изменившимся выражением лица Дирижёр подпрыгивающей походкой спешит за кулисы.

ИНТ. ЗА КУЛИСОЙ. ДЕНЬ

В темноте копошатся два человека: Монтировщик и Пианист поднимают опрокинутую тумбу. Установив тумбу в вертикальное положение, Пианист начинает отряхивать руками фрак и брюки. Его лицо, подсвеченное сбоку лампой дежурного освещения, имеет безучастное, отрешённое выражение.

ПИАНИСТ. Возможно, Паганини и играл на одной струне. Я не Паганини, я простой музыкант... я на сломанном инструменте играть не буду.

Монтировщик прилаживает к тумбе отвалившуюся цифру. Женщина-конферансье смотрит на Пианиста с сочувствием, за её спиной виднеются ярко освещённая сцена и в глубине сцены — хористы.

Появляется Дирижёр, он весь олицетворение немого укора. Пианист, завидев Дирижёра, неожиданно вскидывает брови и злобно оскаливается.

ИНТ. ЗАЛ ДВОРЦА КУЛЬТУРЫ. ДЕНЬ

В третьем ряду зала, в самом центре, сидит Кирилл, он с беспокойством смотрит на сцену. Рядом поднимается с места большой толстый мужчина и начинает пробираться к выходу.

ИНТ. СЦЕНА. ДЕНЬ

Хористы беспокойно поглядывают в сторону кулис. Гриша смотрит на часы. Стрелки показывают половину седьмого. Гриша показывает Саше: «Надо делать ноги». Саша одобрительно кивает, и друзья выбираются из своего ряда, спускаются на пол сцены и с невозмутимым видом идут в противоположную от Дирижёра кулису.

ИНТ. ЗАЛ ДВОРЦА КУЛЬТУРЫ. ДЕНЬ

Школьники поднимаются со своих мест, кто-то уже успел выйти в проход между рядами.

ИНТ. СЦЕНА. ДЕНЬ

Певцы на сцене некоторое время топчутся на своём возвышении, затем по одному спускаются вниз, перемещаясь по сцене как бы невзначай ближе к той кулисе, в которую ушли Саша и Гриша. За сценой Пианист и Дирижёр говорят на повышенных тонах. Доносятся обрывки фраз: «...вы мне говорите, вы мне не говорите...», «...а я вам говорил, инструменту ремонт...». Певцы по одному исчезают за кулисами. Некоторые зрители идут к выходу.

Вскоре на сцене остаётся один человек — мужчина сорока лет, плотного телосложения и невысокого роста, напоминающий деревенского мужичка, одетого в смокинг. Почесав макушку, Один Человек снимает бабочку, расстёгивает пуговицы фрака. В зале раздаются смешки. Один человек снимает фрак и аккуратно укладывает одежду на пюпитр. После фрака снимает рубашку и остаётся в настоящей моряцкой тельняшке. Это вызывает в зале просто взрыв хохота. Рубашку мужичок аккуратно кладёт поверх фрака.

КТО-ТО ИЗ ЗАЛА. Правильно, мужик, давай стриптиз.

Оставшись в брюках и тельняшке, Один Человек подходит к роялю, ложится на спину, забирается

под инструмент и перочинным ножиком что-то ковыряет.

КТО-ТО ИЗ ЗАЛА. Сейчас развал-схождение случается...

Многие зрители подошли к сцене и наблюдают за тем, что будет дальше. Шум за кулисами прекратился. Один Человек какое-то время возится с педалью, затем выбирается из-под рояля. Не присаживаясь на табурет, берёт несколько аккордов. Рояль звучит. Убедившись, что рояль исправен, Один Человек, не зная, что делать дальше, поворачивается к публике, близоруко щурится в зал.

Зал замер. На мгновение возникла полная тишина. Кирилл поднимается с кресла и тоненьким детским голоском запекает.

КИРИЛЛ

Наверх вы, товарищи, все по местам!
Последний парад наступает...

Один Человек сразу светлеет лицом и начинает подпевать ребёнку.

ОДИН ЧЕЛОВЕК

Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг»,
Пошады никто не желает...

К дуэту присоединяется Учительница. В соседнем ряду Молодой Человек с видом человека, которому больше нечего терять, тоже начинает петь. Быстро-быстро из-за кулис выходят несколько хористов, они поют прямо на ходу. Песня набирает силу, к поющим присоединяются Женщина Сорока Лет, её Подруга, Мужчина, Первая и Вторая Девушки. На цыпочках выбегают Пианист, садится за рояль и с ходу начинает играть. На балконе поёт Звуко-режиссёр, в зале на последнем ряду поёт Техник. Вскоре весь хор вместе с Дирижёром собирается на сцене и поёт вместе с залом. Последними из-за кулис выбегают Гриша и Саша, они уже успели переодеться в повседневную одежду— джинсы и рубашки.

КОНЕЦ ФИЛЬМА

Там, куда я уйду, весна

.....

Сценарий

ИНТ. ТРЕНАЖЁРНЫЙ ЗАЛ. ДЕНЬ

В спортивном зале рядами стоят новенькие, блестящие спортивные снаряды. Девушка в обтягивающих шортиках и майке крутит педали велотренажёра. Тишину спортзала нарушают короткие ритмичные вскрики.

Шумно выдохнув, АХИЛЛЕС последний раз жмёт штангу от груди и ставит снаряд на крюки. Поднимается на ноги, смахивает полотенцем

пот со лба, смотрит на своё отражение в зеркале. Ахиллесу сорок пять лет, у него безупречное телосложение, длинные волосы, собранные в косичку, бронзовый загар— внешность постаревшего платного красавца. Атлет крутит в руках телефон, раздумывая, позвонить или нет, затем снова берётся за штангу.

Девушка, закончив с велотренажёром, грациозно изогнувшись, делает глоток из пластиковой бутылочки. Рассеянно смотрит в сторону Ахиллеса: атлет, выгибаясь в дугу, изо всех сил выжимает штангу.

Не зная, чем ещё заняться, Девушка берёт скалку и начинает прыгать.

Ахиллес с огромными гантелями методично сгибает и разгибает руки. Он покраснел от напряжения, на его шее и бицепсах вздулись вены.

Раздаются трели телефонного звонка. Ахиллес напряжённо замирает. На звонок отвечает Девушка. Ахиллес, выдохнув, продолжает качать гантели.

Девушка, закончив телефонный разговор, любуется своим отражением в зеркальной стене спортзала. За её спиной появляется Ахиллес. Девушка благожелательно улыбается, ожидая, что спортсмен заговорит с ней, но Ахиллес, отрёшенный и задумчивый, проходит мимо. Девушка закидывает ногу на шведскую стенку— в положении шпагата делает наклоны, демонстрируя великолепную гибкость тела. Закончив с растяжкой, Девушка оглядывается, чтобы оценить произведённый эффект. В зале никого нет.

**ИНТ. ТРЕНАЖЁРНЫЙ ЗАЛ,
РАЗДЕВАЛКА. ДЕНЬ**

Из банки с этикеткой «Спортивное питание» Ахиллес ложкой достаёт сухую, сероватого цвета, смесь, разводит её водой в пластиковой чашке. В раздевалке никого больше нет. В одиночестве, помешивая ложкой сероватую массу, атлет меланхолично смотрит в окно. Затем набирает телефонный номер.

АХИЛЛЕС (*в телефон*). Машуля, привет! Ага... А я до Маринки не могу дозвониться, и она мне не звонит. Вот... Ты ей можешь... А-а, ты её сама не видела? Понятно. Ясно. Ну всё, пока.

Ахиллес с досадой бросает мобильник на подоконник. Берёт пластиковую чашку, начинает безразлично есть. За окном по дорожке сквера топают малыш, рядом— молодая красивая женщина. Атлет смотрит на ребёнка, и на его лице появляется улыбка.

Слышатся смех и голоса, в раздевалку заходит компания молодых спортсменов.

ПЕРВЫЙ ПАРЕНЬ. Привет, Ахиллес.

АХИЛЛЕС. Привет.

Молодёжь подходит к Ахиллесу и в порядке очереди жмёт руку немолодого атлета.

ВТОРОЙ ПАРЕНЬ. Как сам?

АХИЛЛЕС. Да нормально.

ВТОРОЙ ПАРЕНЬ. Уже отработал?

АХИЛЛЕС. Да, хватит на сегодня.

ТРЕТИЙ ПАРЕНЬ (*обращаясь ко всем*). Э-э, кто-нибудь Рому видел?

ЧЕТВЁРТЫЙ ПАРЕНЬ. Мужики! У Ромки же сын родился.

ВТОРОЙ ПАРЕНЬ. Когда?

ЧЕТВЁРТЫЙ ПАРЕНЬ. Сегодня ночью. (*Достаёт телефон, вслух читает сообщение.*) «Родился сын. Я стал папой».

ПЕРВЫЙ ПАРЕНЬ. Всё, с качалкой можно попрощаться...

ВТОРОЙ ПАРЕНЬ. Да, попал парень...

ЧЕТВЁРТЫЙ ПАРЕНЬ. Сбрасываться будем?

ПЕРВЫЙ ПАРЕНЬ. По сколько?

ЧЕТВЁРТЫЙ ПАРЕНЬ. Давайте по тысяче.

ПЕРВЫЙ ПАРЕНЬ. Не мало?

ВТОРОЙ ПАРЕНЬ. Нормально...

Спортсмены роются в кошельках, Четвёртый Парень собирает купюры. Ахиллес протягивает свою купюру, парень берёт деньги, чешет макушку.

ЧЕТВЁРТЫЙ ПАРЕНЬ. Так... И на что можно потратить такое количество бабла?

ПЕРВЫЙ ПАРЕНЬ. На коляску не хватит.

ТРЕТИЙ ПАРЕНЬ. Ты подожди, сейчас ещё Васян подойдёт...

ВТОРОЙ ПАРЕНЬ. Конфеты, шампанское, цветы. Что ещё, не знаю?

Спортсмены в тупике.

АХИЛЛЕС. Можно подгузники купить. Никогда лишним не будет.

ВТОРОЙ ПАРЕНЬ. На все деньги?

АХИЛЛЕС. Конечно, на все. Это же расходный материал: не успеешь глазом моргнуть, а их уже нет.

Парни переглядываются и согласно кивают головами.

ИНТ. САЛОН КРАСОТЫ. ВЕЧЕР

Ахиллес, укрытый белым покрывалом, сидит в кресле. За его спиной ОКСАНА — косметолог,

красивая женщина тридцати пяти лет. Подсыпав в баночку белого порошка, Оксана начинает размешивать в склянке вязкую зеленоватую жидкость.

Уличные фонари за окнами салона освещают оживлённую улицу, фасад дома напротив сверкает огнями рекламы.

АХИЛЛЕС. Я тут прочитал: люди тратят в год несколько сотен миллионов долларов на борьбу с лишним весом. А я ещё помню времена, когда за столом лишний кусок сахара не возьмёшь.

Оксана начинает размазывать жидкость по щекам и лбу Ахиллеса, отчего его лицо приобретает противоестественный зелёный цвет.

АХИЛЛЕС. И опять же в Интернете пишут: диета на сала! Каждый день нужно съедать кусок сала, чтобы похудеть.

ОКСАНА. Вечная мечта русского человека: что бы такого съесть, чтобы похудеть?

АХИЛЛЕС. Да, а двигаться не хотят, лентяи...

Оксана отходит от кресла и возвращается с маленькими щипцами.

ОКСАНА. Волос торчит, как у кота.

Косметолог выдёргивает из брови Ахиллеса торчащий волос.

АХИЛЛЕС. Может, пора мне на пластику решиться?

Оксана массирует виски Ахиллеса, натягивает кожу за ушами, смотрит на результат.

ОКСАНА. Может быть. Главное — меру знать.

АХИЛЛЕС. Я же с одним хирургом поговорил, толковый мужик, и цены у него адекватные, но дорого.

ОКСАНА. А ты бартером отдай.

АХИЛЛЕС. Бартером я перед мужиками не выступаю.

ОКСАНА. Ну зачем с мужиками? Найди клинику с женским персоналом.

АХИЛЛЕС. Отличная идея! Так я и с тобой могу по бартеру работать!

ОКСАНА. Нет... мне чувства нужны.

АХИЛЛЕС. Вот, Оксанка, какой я испорченный человек! Подумал, ты сейчас скажешь: нет, мне деньги нужны.

ОКСАНА. Нет, чувства... чувства и только чувства, мой дорогой Ахиллес.

Оксана смотрит в глаза атлета с каким-то глубоко затаённым вопросом. Улыбка сползает с лица Ахиллеса.

АХИЛЛЕС. Ерунду сморозил: бартером... Ха-ха, на твою же шутку повёлся, затупил, как сейчас молодёжь говорит. Да-а.

ОКСАНА. Не расстраивайся.

АХИЛЛЕС. Это у меня талант—говорить невпопад.

ОКСАНА. Моя дочь в такой ситуации говорит: «Забей».

АХИЛЛЕС *(с удивлением)*. Да-а, у тебя так дочь говорит? А...

Звонит телефон. Мужчина подпрыгивает, как будто его ужалили. Баночка с кремом летит на пол. В накидке и с маской на лице Ахиллес бежит к вешалке, там роется в карманах своей куртки, чертыхаясь, достаёт телефон.

АХИЛЛЕС *(разочарованно)*. А-а, привет. Что? Потеряли? За шкафом стоит, там, где дубина... справа золотая цепь, да... отодвинь. Ну вот. Да пустяки. Ага, и тебе того же. *(Возвращается на место, смазывая с экрана телефона крем от маски.)* Вот чёрт, банку тебе разбил.

НАТ. УЛИЦА, САЛОН КРАСОТЫ. ВЕЧЕР

Ахиллес выходит из дверей салона красоты, спускается по ступеням крылечка. На ходу закидывает руки за голову, связывает волосы в косичку. Неожиданно наткнется на ПАРНЯ в тельняшке, в джинсах и с беретом десантника на голове. Молодец пьян в стельку.

ПАРЕНЬ в тельняшке. А ты знаешь, кто я такой?

Ахиллес отрицательно мотает головой.

ПАРЕНЬ в тельняшке. Нет, ну ты знаешь, кто я такой?

Пьяного сильно шатает. Раскачиваясь, он почти касается лбом подбородка Ахиллеса.

ПАРЕНЬ в тельняшке. Я-я...

Парень зависает, глядя на Ахиллеса бессмысленными осоловелыми глазами. Появляются ещё два нетрезвых гражданина, они подхватывают своего друга под руки, десантник вяло сопротивляется.

ПЕРВЫЙ ПЬЯНИЦА *(Парню в Тельняшке)*. Толя, не гони беса! Я тебе говорю! Беса тут не гони... Гражданская жизнь всё-ё?! Всё.

ВТОРОЙ ПЬЯНИЦА *(извиняясь за друга, обращается к Ахиллесу)*. Синдром боевого офицера.

Парня в Тельняшке тащат по улице, напоследок он оборачивается и кричит в сторону Ахиллеса.

ПАРЕНЬ в тельняшке. А ты козёл, понял?

Ахиллес идёт к обочине дороги, поднимает руку, останавливает такси.

НАТ. СЛУЖЕБНЫЙ ВХОД ТЕАТРА «МАЧОМУЧАЧО». ВЕЧЕР

Такси въезжает в глухой тёмный двор. Атлет расплачивается с водителем и шагает к массивной железной двери без опознавательных знаков. Дверь распаивается, слышится музыка, в ярком свете появляется женский силуэт. АДЕЛЬ, девушка в купальнике и чулках, с ярким гримом, разминая в руках сигаретку, непринуждённо располагается на крыльце.

АДЕЛЬ. Привет, Ахиллес.

АХИЛЛЕС. Привет, Адель.

Девушка неожиданно хлопает себя по голым бёдрам.

АДЕЛЬ. Вот задница, зажигалку забыла. У тебя есть?

Ахиллес достаёт старенькую «Зиппо».

АДЕЛЬ. Ты ж не куришь?

АХИЛЛЕС. Нет.

Девушка прикуривает и выпускает в ночное небо струю дыма.

АДЕЛЬ. Хороший ты человек, Ахиллес,—появляешься в том момент, когда другому человеку нужна зажигалка, а сам при этом не куришь.

НАТ. АФГАНИСТАН-1986. ВОСПОМИНАНИЕ

Горный перевал. На пыльной каменистой тропе, залитой кровью, лежат трупы моджахедов. К разбитому каравану приближается группа советских солдат. По экипировке видно: десантно-штурмовой батальон. Солдаты держат оружие наизготовку. Только что закончился бой, лица бойцов в пыли и пороховой гари.

КОМАНДИР. «Ду́хов» в сторону, от тропы как можно дальше.

Солдаты берут мёртвых за ноги и тянут в низину. Молодой Солдат спотыкается и падает на пятую точку. Парень сразу встаёт, но его заметно шатает; он прикрыл глаза, стараясь не смотреть на искверканное тело моджахеда.

КОМАНДИР. Репа, помоги молодому.

РЕПИН, боец с нагловатой круглой физиономией, подбегает к Молодому Солдату и без церемоний хватает духа за ногу.

РЕПА. Чё, замёрз? Бери, давай-давай!

Молодой Солдат выходит из ступора и вместе с Репой тянет труп за каменную гряду. За камнями Репя ловко выворачивает карманы покойнику. Найденные долларские бумажки берёт себе, а что-то блестящее и увесистое бросает Молодому Солдату.

РЕПА. Держи!

Молодой ловит на лету и разжимает кисть—у него на ладони сверкает новенькая зажигалка «Зиппо».

КОНЕЦ ВОСПОМИНАНИЯ

**НАТ. СЛУЖЕБНЫЙ ВХОД БАРА
«МАЧОМУЧАЧО». ВЕЧЕР**

АДЕЛЬ. Тебе нужно подводить глаза. Тебе пойдёт, будешь как Джонни Дэп. Не понимаю, куда Вольдемар смотрит.

Адель очень близко, девушка смотрит прямо в глаза Ахиллесу. Ахиллес молчит.

АДЕЛЬ (*с удивлением*). И почему он тебе об этом не сказал... до сих пор?

Адель в сексуальном неглиже очень привлекательна.

АХИЛЛЕС. Мне кажется, и так нормально.

АДЕЛЬ. Ты не видишь себя со стороны, будет клёво.

АХИЛЛЕС. Нет, Адель, я классический герой, и мне этого не нужно.

Адель реагирует на слова Ахиллеса хрипловатым смехом. Атлет улыбается, заходит в двери клуба.

**ИНТ. СТРИПТИЗ-ТЕАТР
«МАЧОМУЧАЧО». ВЕЧЕР**

Ахиллес двигается по коридору, из боковой двери вываливается **ВОЛЬДЕМАР**—арт-директор заведения, тридцати с небольшим лет, в обтягивающих джинсах, майке, с модной стрижкой на голове.

ВОЛЬДЕМАР. (*Ахиллесу*). Ну ты-то согласен со мной?

АХИЛЛЕС. В чём я с тобой согласен?

ВОЛЬДЕМАР. В том, что Ахиллес никогда не догонит черепаху.

АХИЛЛЕС. Я не догоню?

ВОЛЬДЕМАР. Ты догонишь, а вот Ахиллес нет.

Вольдемар по-свойски кладёт руку на плечо Ахиллеса и шагает вместе с ним по коридору. Навстречу мужчинам попадают полуодетые девушки. Девушки ни грамма не смущаются; впрочем, мужчины тоже реагируют спокойно.

АХИЛЛЕС (*с сомнением*). Да ну.

ВОЛЬДЕМАР (*с жаром*). Да-да-да. Потому что Ахиллес пребывает в мире наших представлений о нём, а с тобой можно поговорить...

Ахиллес хмурится и снова заглядывает в телефон.

АХИЛЛЕС. Ахиллес, конечно, герой, но в чём? Что он сделал хорошего?

ВОЛЬДЕМАР. Он был искусным воином, убивал своих врагов, греки его за это обожали. Это же классно, когда кто-то убивает твоих врагов! Для греков он был хорошим парнем. Замочил Гектора, например.

Вольдемар останавливается, на его пути блондинка в кружевном белье. Зажав девушку в углу, он что-то негромко говорит ей на ухо. Ахиллес продолжает движение один. Вольдемар кричит ему вслед.

ВОЛЬДЕМАР. Он был смелым до полного отупения, люди это ценят!

ИНТ. СЦЕНА СТРИПТИЗ-КЛУБА. НОЧЬ

На сцене в пятне света появляется **АКТЁР** в греческом хитоне, с лавровым венком на голове.

АКТЁР. И когда над Элладой сгущалась ночь, он уходил в леса, где изнурял своё тело нечеловеческими тренировками.

Звучит таинственная музыка, за спиной Актёра появляется Ахиллес в набедренной повязке, в руках атлет несёт борцовское тулово, выполненное из натуральной сыромятной кожи. Неожиданно прогнувшись назад, Ахиллес бросает тулово через себя.

АКТЁР (*с нафосом*). Не щадя себя, Ахиллес готовился дать бой сынам Спарты и доказать, что он самый сильный человек на Земле.

Ахиллес поднимает тулово, снова бросает и сразу, не останавливая, ещё несколько раз со страшным грохотом прикладывает кожаного болвана к полу сцены. Сразу видно: Ахиллес—профессиональный борец, при броске он нарочно напрягает мышцы, показывая красоту и мощь своего тела.

АКТЁР. А когда он устал, то ложился под сень олив и засыпал сном блаженного праведника Эллады.

Ахиллес уходит в глубину сцены, где укладывается на ложе из шкур и делает вид, что засыпает.

АКТЁР. И тогда из безобразного туловища, служившего для атлета спортивным снарядом, выходило кроткое существо—нимфа Калипсо.

Тулово изнутри открывается, и из него выбирается обнажённая хрупкая девушка. По залу проносится вздох восхищения.

АКТЁР. Калипсо была заключена в это омерзительное туловище зловещей богиней Калиматой. И только на рассвете, на несколько минут, она могла покидать свою тюрьму.

Обнажённая девушка начинает танцевать.

АКТЁР. По злой воле рока Калипсо полюбила Ахиллеса.

Девушка склоняется над спящим Ахиллесом, начинается медленный эротический танец. Публика в зале наблюдает за зрелищем, сидя за столиками; свечи и атласные скатерти придают клубу привкус дешёвого кабака.

АКТЁР. Но как сделать, чтобы великий сын Эллады узнал о той, что любит его?..

В зрительном зале, в стороне от публики, в полумраке, за столиком сидят Вольдемар, **ЖЕНЩИНА В ОЧКАХ**, ДЕВУШКА В РОЗОВОМ и ещё парочка без возраста.

ЖЕНЩИНА В ОЧКАХ. Вольдемар, ну ты совсем обнаглел. Когда это Калипсо была знакома с Ахиллесом?

ВОЛЬДЕМАР (*снисходительно улыбаясь*). Да что мне Калипсо? Я могу обезьяну с ослом скрестить, и мне ничего за это не будет...

Девушка в Розовом изумлённо вскидывает брови. Вольдемар спешит её успокоить.

ВОЛЬДЕМАР (*Девушке в Розовом*). В переносном смысле, котик.

Арт-директор кивает головой в сторону публики— это немолодые мужчины в дорогих костюмах и их юные спутницы, у тех и у других на лицах печать какого-то космического неведения.

ВОЛЬДЕМАР (*Женщине в Очках*). В чём прелесть моего существования? Я здесь на острове папуасов. К острову прибывает разный мусор с круизных лайнеров. А я объявляю своим папуасам, что в банке из-под пива живёт бог. Мне верят. Чистый, не замутнённый знанием разум, который можно наполнить чем угодно и как тебе нравится. Папуасы в восторге, я в авторитете... и мне дают возможность пожить.

За столом возникает молчаливая пауза, гости смотрят на Вольдемара с подозрительным недоверием. Неожиданно Девушка в Розовом целует арт-директора в губы.

ДЕВУШКА В РОЗОВОМ. А по-моему, наш Вольдемар—гений.

ЖЕНЩИНА В ОЧКАХ. Почему вы так решили?

ДЕВУШКА В РОЗОВОМ (*с восторгом*). Все места в зале проданы, и на месяц вперёд всё продано.

ЖЕНЩИНА В ОЧКАХ. Гениальность Джоконды не зависит от того, сколько билетов продадут в Лувр.

Девушка в Розовом надувает губы.

ДЕВУШКА В РОЗОВОМ. Это у вас не зависит, а у нас зависит.

Вольдемар размахивает руками, как рефери на ринге.

ВОЛЬДЕМАР. Stop! I do not want to know about it! Смотрим на сцену! Ну-у, господа, спорить за искусство—это пошло. На сцену, на сцену! Сейчас будет самое интересное.

Действие разворачивается во всей красе. Калипсо крутится вокруг шеста, Ахиллес вышел на авансцену, на глазах у него повязка, руками он делает движения, как будто хочет кого-то поймать. На втором плане несколько девушек в латексе, извиваясь, трутся о статую Свободы. Калипсо подбрасывает своё тело вверх, обвивает шест ногами... слышится хруст—блестящая хромированная труба подламывается, и девушка вместе с шестом падает на Ахиллеса, сбивая атлета с ног. Свет на сцене гаснет, слышатся крики, в зале возникает лёгкая паника.

ИНТ. КВАРТИРА АХИЛЛЕСА. УТРО

В полумраке открывается дверь, из полосы света в прихожую входит Ахиллес. Нащупывает выключатель, включает свет. Над бровью у Ахиллеса небольшой пластырь. Увидев на крючке сумку и женские ботинки на обувной полке, атлет заглядывает в комнату. На диване спит **МАРИНА**, его восемнадцатилетняя дочь, студентка университета.

Стриптизёр на цыпочках возвращается в прихожую, стараясь не шуметь, раздевается, идёт в кухню. Открывает шкаф, достаёт жестяную банку из-под чая. Складывает в банку деньги, вырученные за ночь. Включает телевизор, на экране появляются люди в военной форме, боевая техника, разрушенные дома. Стараясь не шуметь, достаёт из холодильника кастрюлю с овсяной кашей. На весах взвешивает кусок отварного мяса. Отрезает лишнее. Взвешивает горсть орехов и яблоко. Достаёт банку варенья из шкафа, после недолгого раздумья ставит обратно в шкаф. Подходит к портрету молодой женщины на стене, осторожно ведёт пальцем по фотографии.

В коридоре слышатся шаги, Ахиллес отдёргивает руку, садится за стол. В кухню заходит Марина—девушка с удивительно правильными чертами лица в сочетании с густыми белокурыми волосами и синими глазами.

МАРИНА. Привет.

АХИЛЛЕС (*грозным голосом*). Опять до тебя дозвониться не могу. Днём не могу! Вечером не могу! Ночью нет ответа. Это не дело. Мы договаривались брать трубку!

Марина улыбается и обнимает отца. Ахиллес сразу обмякает, и гнев его мгновенно проходит.

МАРИНА. Ну телефон я дома забыла. Потом пришла и заснула. Вчера курсовые сдавали и ещё

зачёт по физре, у меня си-ил уже нет! Па-ап, мне деньги нужны.

Девушка достаёт ту самую банку, в которую Ахиллес складывал деньги. Открыв банку, девушка смешно морщит нос.

АХИЛЛЕС. Я тебя просил: не делай так!

МАРИНА. Ну пап, мне всегда кажется, что они пахнут.

АХИЛЛЕС. Я клянусь! Никто мне деньги в плавки не засовывает! В конверте мне отдают деньги, в конверте! Ну это просто свинство—терроризировать меня этими плавками.

МАРИНА. Пап, ну прости, ну чего ты! Нос морщится сам, потому что мой нос живёт своей собственной жизнью, я сама страдаю от его своеволия.

Марина выгребает из банки почти всё.

АХИЛЛЕС. У нас режиссёр с высшим театральным образованием, и мы... артисты, как бы ты там ни улыбалась. Как говорит наш Вольдемар, мы даём зрелище в первозданном виде, на потребу толпы, пробуждая пускай невысокие, но естественные чувства. Ну и как нас называть?

МАРИНА. Ну, так и назвать... как ты сказал.

АХИЛЛЕС. А ты нос морщишь.

МАРИНА. Он сам морщится—противный нос! *(Заглядывает в холодильник.)* Пап, а ты когда-нибудь курил?

Ахиллес от неожиданности замирает.

АХИЛЛЕС. Ну, курил.

МАРИНА. Ну и как?

АХИЛЛЕС. Ничего хорошего. Дурная привычка, ошибка молодости, которую не надо никому повторять.

Марина берёт яблоко, приготовленное Ахиллесом для своего порциона, и с хрустом начинает есть.

МАРИНА. Ну какая ошибка? Просто дело вкуса. Все когда-нибудь курили, даже президент наверняка.

АХИЛЛЕС. Мы курили, но у нас жизнь была другая.

МАРИНА. Ну какая другая?! Так же жили своими интересами, родителей считали занудами и всё хотели сделать по-своему.

АХИЛЛЕС. Другая! Потому что мы быстро повзрослели. Я, например, в твоём возрасте в Афганистан попал... и там не было своих интересов.

МАРИНА. А что ты в Афганистане делал?

АХИЛЛЕС *(от удивления разводит руками)*. Что делал, что делал. Служил в армии.

МАРИНА. Ну а в армии вы что делали?

АХИЛЛЕС. Смотрели, чтоб враги не лезли куда не надо.

МАРИНА. Пап, ты сейчас говоришь со мной, так будто я в третьем классе.

АХИЛЛЕС. А чего вдруг такой интерес к вопросу? *(Делает жестами вид, как будто он курит.)*

МАРИНА. У нас новый препод читает лекции: «Американские писатели поколения битников». Ну, это те, что создали хиппи и массовую культуру. Так вот, они там все чего только не делали.

АХИЛЛЕС *(с недоверием)*. Писатели?

МАРИНА. Ну да. Я почему и спрашиваю: они ещё и пили будь здоров, и у них менялось сознание. А у тебя оно не поменялось.

АХИЛЛЕС. Ничего себе! Откуда тебе знать, что там у меня поменялось?

МАРИНА. Если бы оно поменялось, ты бы не говорил банальности: «ошибки молодости» и прочее. Всё, я пошла.

АХИЛЛЕС. У тебя же занятия с обеда!

МАРИНА. Мы с Машкой едем на открытие ярмарки. Пап, сегодня воскресенье!

Марина, на ходу застёгивая сумочку, бежит в прихожую. Хлопает входная дверь, и в квартире наступает полная тишина. Ахиллес машинально переставляет чашки на столе. Подходит к портрету молодой женщины на стене.

АХИЛЛЕС. Вот так: неглупая, свободная и очень опасная...

НАТ. СКВЕР. ДЕНЬ, УТРО

Марина, цокая каблучками, идёт по аллее, утопающей в цветущих яблонях. Навстречу, улыбаясь, шагает даня. Он слегка небрит, весел и очень хорош собой: молодому человеку двадцать пять лет, выглядит он как модный неформал.

МАРИНА. Привет!

Даня обнимает и кружит Марину. Парочка проходит через сквер к парковке. Даня открывает перед Мариной дверь своего автомобиля.

ИНТ. МАШИНА ДАНИ. ДЕНЬ

Автомобиль движется по шоссе, Марина открыла окно и подставила лицо потоку жаркого воздуха. Неожиданно возле иномарки пронесется чёрный внедорожник, слышится негромкий глухой удар. Внедорожник останавливается, перекрывая

движение Даниной машины. Марина с тревогой смотрит на Даню — парень пожимает плечами. Из внедорожника выходят четверо крепких ребят с угрюмыми физиономиями. Один из них — видимо, главный, — манит Даню пальцем. Даня выходит из машины. На фоне братвы он выглядит жалким ботаником.

главный. Я смотрю, у тебя проблемы.

даня. С чего бы это?

главный. Чё, в зеркала не учили смотреть?

даня. Учили.

главный. Наверно, плохо учили.

даня. Да нормально учили.

толстый бандит хватает Даню за рубаху. Даня не сопротивляется.

толстый бандит (*Главному*). Чё ты с ним разговариваешь? (*Дане*.) Я тебя урою, козёл!

Марина выскакивает из машины.

МАРИНА. Ребята, успокойтесь, не надо! Мы же ничего вам не сделали!

толстый бандит (*Марине*). Сейчас ты у меня успокоишься.

даня. Марина, не вмешивайся, я разберусь!

главный. Чапа, не кипишуй.

Толстый Бандит отпускает Даню.

главный. Все свидетели: мы ехали по сопредельной полосе, а ты рулём немного влево подработал... смотри.

Главный подводит Даню к внедорожнику, на крыле машины царапина.

даня. Давайте будем разбираться, вызовем полицию.

толстый бандит. А чего разбираться? И так всё понятно. Вон на твоём бампере царапина.

высокий бандит. А чё ты так сразу за полицию? Может, у тебя там подвязки есть?

даня. Да откуда?..

главный. Можно всё порешать по-честному, без ментов. Царапина небольшая, отдаёшь нам тридцать рублей, и мы разъезжаемся.

даня. Да нет таких денег!

главный. Не-ет? Значит, поедешь с нами в офис. Там мы пробьём тебя по базе, чё ты за человек, покумекаем, чё с тобой делать. Можно же не деньгами отдать, правильно?

Главный с глумливой улыбкой смотрит на Марину.

ДАНЯ. Слушайте, парни, не надо... усложнять. Ну я, честно, отдам деньги. Что вы сразу в оборот берёте? Мы тут в одном городе живём, я не убегу никуда, дайте времени немного.

У Дани немного дрожит голос. Страх, охвативший парня, передаётся Марине. Девушку начинает колотить мелкая дрожь.

толстый бандит. О-о, я смотрю, это динамщик. Нет, чепушила, с тобой придётся разбираться ты ещё, может, кого-нибудь из наших кинул.

мелкий бандит. Сто в гору — кинул. Я вообще его где-то видел.

даня. Хорошо-хорошо, не надо никуда ехать, можно решить вопрос... У меня брат на рынке работает, тут недалеко, он деньги привезёт.

главный. Звони.

Даня достаёт телефон и пытается отойти в сторону.

толстый бандит. Э-э, братан, стой здесь.

даня (*в телефон*). Братуха, привет! Я тут в аварию попал... Где? А-а... (*Крутит головой по сторонам*.) Я на Комбинате стою. Братуха, деньги нужны. Тридцать. Ну рублей, конечно. Подвезёшь? Пряма сейчас надо. Я потом отдам, из этого, ну, что я резину продал... ага. (*Бандитам*.) Сейчас приедет.

главный (*миролюбиво*). Братан, ты пойми, мне чужого не надо, но за твои косяки я не должен свои бабки впаивать.

На дороге появляется джип, машина по-настоящему дорогая, намного круче бандитского внедорожника.

Джип тормозит, из него одновременно выходят четыре человека в строгих чёрных костюмах, бритоголовые и необычайно накаченные. Один из них, МАКАР, мужчина невысокого роста, но очень внушительной внешности, останавливается рядом с Даней.

МАКАР. Что случилось?

даня. Вот эти юные дарования разводят меня на деньги. Как положено, с угрозами и обидными словами.

Гопники заметно сникли. Макара подходит к Главному вплотную.

МАКАР (*Главному*). Что ещё за обидные слова?

главный. Ты чё быкуешь?

Главный пытается оттолкнуть Макара, но тот ловко уходит от удара и бьёт соперника в живот. Бандит, согнувшись пополам, падает.

МАКАР. Я повторяю вопрос.

Главный что-то нечленораздельно мычит на земле. Его товарищи настолько впечатлены крутостью приехавших, что даже не пытаются заступиться за своего друга.

МАКАР. Не слышу.

главный (*негромко*). Козёл.

МАКАР. Очень полезное и неглупое животное. А ты им ругаешься. Перед фауной придётся за козла ответить.

Макар несколько раз бьёт Главного ногой.

ДАНЯ. Э-э, стоп, стоп! Без кровопролития. (*Обнимает за плечи Марину и ведёт к своей машине. Через плечо бросает Макару.*) Сейчас мы уедем...

Даня подмигивает Макару, усаживает Марину в машину и, рванув по газам, уносится с места разборок.

ИНТ. МАШИНА ДАНИ. ДЕНЬ

МАРИНА. Это твоя охрана?

ДАНЯ (*смеётся*). Можно сказать, моя. Но вообще-то отца.

МАРИНА. И что они с ними сделают?

ДАНЯ. Не убьют, это точно. Макар вчера повышение получил, поэтому он добрый.

МАРИНА. Даня, ты это серьёзно?! Они могут убить?

Даня щурится, и его лицо становится холодным и жестоким.

ДАНЯ. А что в этом плохого? Зло должно быть наказано. Вообще-то таких уродов жалеть глупо.

МАРИНА. Это сейчас они уроды, а в другой ситуации... может быть, они были бы другими.

ДАНЯ. Интересно, что это за ситуация?

МАРИНА. Они поступают так, как когда-то поступили с ними. Насилие всегда порождает насилие. Это как снежный ком.

ДАНЯ. В мире, где мы с тобой будем жить, так не рассуждают. Тебя должны уважать, это основа наших отношений. А уважать тебя будут только тогда, когда ты не будешь никому ничего прощать.

Марина смотрит на Даню со смешанным чувством, ей кажется, что Даня шутит.

ДАНЯ. Ну сама посуди: глупо в ситуации, когда тебе приставили нож к горлу, анализировать детские комплексы убийцы.

МАРИНА. Даня, о каком мире идёт речь?

ДАНЯ. О мире реальных людей.

МАРИНА. Ничего не понимаю. Ты сейчас сам говоришь как гопник.

ДАНЯ. Ты знаешь, я о своём отце никогда ничего не говорил.

МАРИНА. Я тоже о своём отце не говорила, ну и что?

ДАНЯ. Про твоего отца я и так всё знаю.

Марина вздрагивает и слегка краснеет.

МАРИНА. Что ты знаешь?

ДАНЯ. Он стриптизёр. Работает в эротик-клубе. Ну, это не важно.

МАРИНА (*соглашается*). Да, это не важно.

ДАНЯ. Всем управляют элиты. Это несправедливо, но по сути верно. Когда я говорю о каком-то особом мире, звучит дико пафосно, но это так, я вижу это каждый день и-и... говорю то, о чём знаю.

Даня путается, не может сформулировать мысль. Марина скептически улыбается.

МАРИНА. Поздравляю! Я же не знала, что ты у нас элита. Думала, просто небедный парень.

ДАНЯ (*с досадой*). Я думал к этой теме подойти в несколько этапов. Какие-то козлы взяли вот так вот и всё сломали! В этой стране бессмысленно что-то планировать...

Даня тяжело вздыхает.

МАРИНА. Дань, ты не обижайся, но у меня такое ощущение, что ты бредишь.

ДАНЯ. Я не обижаюсь. Ты встретила принца на белом коне и немного растерялась. Это скоро пройдёт... и нормой станет совершенно другое отношение к жизни.

МАРИНА. Насчёт растерялась—это правильно. А насчёт принца... я чего-то не поняла: чё это принц вдруг снизошёл до какой-то там простушки?

ДАНЯ. Знаешь, я про себя тоже могу сказать... простой парень.

МАРИНА. Тебя не поймёшь! То ты простой, то не простой.

ДАНЯ. Меня воспитали без понтов, поэтому простой, но папа мой очень состоятельный человек... у меня, например, есть квартира в Лондоне.

Степень удивления Марины достигает наивысшего предела.

ДАНЯ. Это чтобы было понятно, я... я не хвастаюсь. Я говорю... об этом мы должны были поговорить, но не сегодня!

МАРИНА. А-а, не сегодня! Ну, тебе, как элитному человеку, по-любому полагается элитная девушка. Или у вас что, с красивыми напряжёнка?

Машина останавливается на светофоре.

ДАНЯ. Красивых... на мой вкус, не очень много, но встречаются. Мне нужна не просто красивая, мне нужна совершенная.

Пешеходы по зебре перебегают дорогу.

ДАНЯ. Совершенная—это когда на генетическом уровне. Когда и ум, и внешность, и женское чутьё, и очарование. Всё вместе—исключительный, недостижимый для других генофонд. Единственная возможность жить счастливо. Дворяне, чтобы поддержать свой генофонд, женились на красивых простушках, а королевские семьи, где это было запрещено, выродились в слабоумных уродов...

Даня осекается. Марина вышла из машины, сильно хлопнув дверью.

МАРИНА (в открытое окно машины). Думаешь, ты офигенный?! Думай, я поржу!

Даня проворно выбирается из автомобиля, но Марина уже далеко.

ДАНЯ. Марина!

МАРИНА. Скажи своей дорогой, принц...

Марина, не оглядываясь, доходит до спуска в метро, бежит по лестнице вниз.

ИНТ. ПОДЪЕЗД. ДЕНЬ

Ахиллес поднимается по лестнице старинного подъезда с широкими лестничными маршами. Останавливается перед старой, обшарпанной дверью, нажимает кнопку звонка. Дверь открывается, и Ахиллес заходит в квартиру.

ИНТ. КВАРТИРА РЕПЫ. ДЕНЬ

В коридоре Ахиллеса встречает РЕПА—армейский сослуживец и старый друг атлета. Репа—громоздкий человек с флегматичной физиономией, лысая голова и усы делают его похожим на запорожского казака. Одет Репа в спортивные штаны и майку. На плече татуировка—скрещённые «калаши» на фоне раскрытого парашюта. На толстой шее поблёскивает серебряная цепочка с двумя саблями. Хозяин квартиры молча приветствует своего товарища и, шаркая стоптанными тапками, идёт по просторному коридору в комнату. Ахиллес, не разуваясь, следует за Репой по грязному, не мытому несколько лет паркету. Репа проходит в зал и садится на диван.

Высокие потолки и лепнина на потолке говорят о том, что когда-то в этой квартире жила партийная номенклатура, а сама квартира была

предметом зависти простых советских граждан. Сейчас апартаменты стали похожи на бродяжий притон: обои выцвели, закопчённый потолок открылся сетью трещин, из мебели остались только хромое кресло, диван и дряхлый шкаф с книгами.

Ахиллес устраивается в кресле.

РЕПА. Чего такой чёрный? На юг съездил?

АХИЛЛЕС. Да какой юг? В солерий хожу.

РЕПА. Бросил бы ты это занятие. Не пристало мужику задницей крутить.

АХИЛЛЕС. Легко сказать—брось. За Маринкину учёбу платить надо. Не сегодня-завтра стриптиз сам меня бросит. А пока Маринка учится, буду выступать, а потом можно и в дворники.

Репа вдруг начинает хохотать.

РЕПА (сквозь смех). Десантник-стриптизёр!

Ахиллес, глядя на Репу, тоже начинает смеяться.

АХИЛЛЕС. Ну а что? И такое бывает.

РЕПА. Я вот сам себе хозяин, живу, ни под кого не прогибаюсь.

АХИЛЛЕС. Я, что ли, прогибаюсь?!

РЕПА. Под жизнь ты прогибаешься: бегаешь, ищешь бонусы; понятно, не для себя—для дочери стараешься, но это несвобода в любом случае.

Репа закуривает папиросу.

АХИЛЛЕС. Согласен, несвобода.

РЕПА. То-то, брат!

АХИЛЛЕС. Маринка сегодня поставила меня в тупик. Папа, говорит, а что ты в Афганистане делал?

Ахиллес смотрит на Репу, тот равнодушно пожимает плечами.

АХИЛЛЕС. Лет двадцать назад никому бы и в голову не пришло такие вопросы задавать. Двадцать лет—и всё как будто ластиком стёрло.

РЕПА. Ну и что?

Репа передаёт папиросу Ахиллесу.

АХИЛЛЕС. Ну, мы же всё про них знаем, а они про нас—ничего. Все их тупые приколы, что там у них в Интернете—видосики, мемчики, челленджи... а они даже Афганистан на карте не найдут!

РЕПА. Ну и хорошо, что не найдут. Не надо, чтоб его находили.

АХИЛЛЕС. Марина моя совсем взрослая стала, говорит: хочу жить своим умом.

РЕПА (*хохочет*). Своим умом, но на средства родителей.

АХИЛЛЕС. А ума то ещё нет, а головную боль создать—это у неё просто.

РЕПА. Что такое?

АХИЛЛЕС. Стала интересоваться, курил ли я в армии, да что мы в Афгане делали, да как алкоголь сознание меняет!

РЕПА. Ну вы даёте! Об этом все знают.

АХИЛЛЕС. Маринка мне доверяет, поэтому и спрашивает. Я у неё друг.

Репа скептически улыбается.

АХИЛЛЕС. После Катиной смерти мы так и держимся друг за дружку.

РЕПА. Ну, тогда да.

АХИЛЛЕС. Думаю, у неё в университете какая-то крыса баламутит. Я чего боюсь: предлагать какую-нибудь дрянь начнут...

РЕПА. Ой, да ладно! Чё ты себя накручиваешь? Сам себе придумал проблему.

АХИЛЛЕС. Вот! Маринка так же говорит.

РЕПА. Правильно говорит.

АХИЛЛЕС. И всё-таки нужна твоя помощь.

РЕПА. Ну?

АХИЛЛЕС. Что, если я Маринку сюда приведу?.. А ты ей расскажешь, что да как, какие бывают страшные последствия, люди с ума сходят, теряют в жизни всё,—ну, в общем, мастер-класс проведёшь!

Флегматичное выражение исчезает с Репино лица, теперь он слушает Ахиллеса с интересом.

РЕПА. Так, может, и покурить?

АХИЛЛЕС. Э, без самодеятельности давай. Просто расскажешь, как бывалый человек со стороны. А то она меня не послушает, подумает, что я с родительского перепуга краски сгущаю.

РЕПА. Ну ты Макаренко! Я бы до такого не допёр. Давай, давай! Я для такого случая что-нибудь вспомню назидательное, ну, или придумаю.

Ахиллес, разрешив трудную для себя задачу, приходит в хорошее расположение духа. Репа заваривает крепкий чай. Разливает чай в старые алюминиевые кружки, достаёт из шкафчика вазу с конфетами.

АХИЛЛЕС. Помнишь, как дни считали до дембеля, мечтали домой, на гражданку: заживём на всю катушку, девушки, вино?

РЕПА. Да, было такое.

АХИЛЛЕС. Казалось, главное—вернуться из Афгана живым, а дальше будет всё просто замечательно.

РЕПА. Так и есть.

АХИЛЛЕС. Я думал, жизнь будет необыкновенная, что ли. Произойдёт что-то важное... Время шло, и ничего не происходило. Мне кажется, просто остаться живым недостаточно для счастья!

РЕПА. Но это ты, конечно, загрубил. Живым остаться! Ты это скажи тем, кто на кладбище лежит. Ну чё тебе не хватает?

АХИЛЛЕС. Не знаю, чего мне не хватает. Жизнь прошла, а вспомнить нечего.

РЕПА. Ну, жизнь ещё не прошла... А что тебе надобно, старче?

АХИЛЛЕС. Что-то грандиозное, дело какое-нибудь, но не купи-продай, а чтоб дух захватывало. Построить станцию на Луне.

РЕПА. Ха-ха! И сады на Марсе развести. Да-а, хорошо нам мозги промыли в «совке».

АХИЛЛЕС. Ну при чём тут «совок»?

РЕПА. Я человек хороший, ты человек хороший—этого достаточно.

АХИЛЛЕС. А может, это грандиозное уже произошло с нами тогда... в Афгане?

РЕПА. Я вообще на эту тему не думаю. Зачем? Жить надо в кайф.

ИНТ. НАУЧНЫЙ ИНСТИТУТ. ДЕНЬ

ПРОФЕССОР. Под воздействием солнца ткань герметика вступает в реакцию с поверхностью, на которую он наносится. Поверхность—это особый материал, он и есть идея фикс нашего конструкторского бюро. Именно поток заряженных частиц, называемых космическим ветром, заставляет герметик скреплять материал на молекулярном уровне! Это даёт уникальные свойства соединению, в первую очередь—способность удерживать любые газы. Что позволит строить лунные станции самых разных размеров и форм.

ПРОФЕССОР, пожилой человек в старомодном костюме, поправляет галстук и с тревожным ожиданием смотрит в зал. В центре зала, уткнувшись в телефон, сидит Даня, за ним Макар и ещё один телохранитель. Больше в аудитории никого нет.

Профессор несколько раз негромко кашляет, после чего начинает расхаживать вдоль макета, изображающего лунную поверхность, на которой построен целый город. Макет выполнен с большим мастерством: человечки в скафандрах,

луномоби́ли, анга́ры, старто́вые пло́щадки вы́глядят как настоя́щие.

ПРОФЕССОР. Уже есть пробный образец, это как модель, прообраз. Лев Викторович, давайте.

На трибуну поднимается Лев Викторович — сорокалетний очкарик в белом халате с взъерошенными волосами. Он выкатывает огромный металлический стол, на котором установлены колбы, трансформатор, несколько ящиков, и всё это соединено проводами и трубками с прозрачной жидкостью.

Поджав губы, Дания продолжает сосредоточенно писать в телефоне. Профессор с недовольным видом смотрит на Данию. Некоторое время в зале стоит полная тишина.

ПРОФЕССОР. Включается обыкновенный ультрафиолет.

Пальцы Дании прыгают по клавиатуре. На экране его телефона появляется надпись: «Марина, не знаю, как это получилось, но...» Палец замирает на секунду... и стирает надпись.

ПРОФЕССОР. Лучи проходят через исходное вещество, меняя структуру диполя.

Дания набирает новое сообщение: «Я немного был неправ...» — и снова забывает свой текст. Нужные слова никак не приходят, Дания елозит на стуле и грызёт ноготь.

Профессор крутит ручки прибора, слышится лёгкое потрескивание, в колбе прибора появляется лёгкое свечение. Макар с любопытством смотрит на эксперимент. Дания смотрит в свой телефон. В колбе профессора начинают плясать сполохи, похожие на миниатюрное северное сияние. Волосы на голове Льва Викторовича принимают совсем вертикальное положение.

Неожиданно необычное свечение исчезает. Профессор, оскорблённый невниманием, выключил приборы и, скрестив руки на груди, молча смотрит в окно. Не отрывая головы от телефона, Дания обращается к Профессору.

ДАНИЯ. Продолжайте, профессор, я вас внимательно слушаю.

ПРОФЕССОР. Научное открытие не может храниться, как золотовалютный запас. По нашим следам пойдут другие, и года через два... мы опять будем покупать у Запада то, что могли бы сделать сами.

Дания стирает очередной текст и начинает заново. Теперь на экране телефона появляются стихотворные строчки: «В целом свете ты прекрасней всех на свете...»

ПРОФЕССОР. Завтра шведы, а скорей всего — китайцы, оставят нас с носом.

Дания морщится, откладывает телефон в сторону.

ДАНИЯ. Макар, я что-то отвлекся...

Дания оборачивается и делает знак Макару. Охранник поднимается с места и бодрым шагом подходит к Профессору. Профессор с удивлением смотрит, как Макар ставит перед ним кейс. Щёлкают замки, Макар откидывает крышку чемоданчика. Внутри кейса пачки денег. Профессор непроизвольно хватается за сердце.

ДАНИЯ. Да, и наведите здесь порядок, мебель замените, ремонт... а лучше выбросить всё, особенно эти кресла: они, наверно, тут со времён Ломоносова стоят.

ПРОФЕССОР. Да чёрт с ними, с этими креслами! Можно работать! Этого хватит, чтобы создать моделирующие диполь-конгломерации, а там и до экспериментального производства рукой подать.

ДАНИЯ (с нажимом). Сначала ремонт и мебель!

ПРОФЕССОР. Не буду спорить...

Профессор закрывает кейс и, потрясённый, смотрит на не менее потрясённого Льва Викторовича.

ДАНИЯ. Профессор...

Дания морщится и смотрит на Макара. Телохранитель наклоняется к Дании и негромко произносит.

МАКАР. Валерий Сергеевич.

ДАНИЯ. Валерий Сергеевич, мы берём финансирование на себя, вы будете работать в нормальных условиях, у вас будет всё, что вам необходимо... наши юристы сейчас готовят базу... в ближайшее время мы оформим наши отношения официально.

Лев Викторович издаёт вопль и, как школьник, подпрыгивает. К Дании неожиданно приходит эпистолярное озарение, и он снова строчит в телефоне. На этот раз нужные слова найдены. Щёлкнув по кнопке «Отправить», Дания откладывает телефон в сторону и повеселевшим взглядом смотрит на профессора.

ИНТ. ПОДЪЕЗД РЕПЫ. ДЕНЬ

Марина облокотилась на перила, безучастно смотрит в потолок. Ахиллес подносит палец к звонку квартиры, где живёт Репа. Слышится сигнал телефона. Марина спешно извлекает из сумки мобильник, на экране — сообщение от Дании: «Привет! Как дела?»

АХИЛЛЕС. Кто пишет?

МАРИНА. Никто, просто спам.

Не ответив на сообщение, Марина прячет телефон в сумочку. Ахиллес нажимает кнопку звонка. Дверь открывается.

ИНТ. КВАРТИРА РЕПЫ. ДЕНЬ

На пороге Репиной квартиры—Ахиллес и Марина. Хозяин дома встречает гостей в потёртом шёлковом халате, купленном ещё при Брежневле.

АХИЛЛЕС. Знакомься, это моя дочь—Марина.

Рева учтиво кивает головой.

РЕПА. Игорь Францевич.

МАРИНА. Очень приятно, Игорь Францевич. Может быть, вы расскажете о цели нашего визита к вам?

Рева растерянно смотрит на Ахиллеса.

РЕПА. Да, наверно, какой-то особенной цели и нет, так...

Ахиллес смущённо чешет переносицу, не зная, что сказать.

МАРИНА. А я была просто уверена, что меня ведут на смотрины, но увидела вас, уважаемый Игорь Францевич... и сразу как-то от души отлегло. Вы, надеюсь, не жених?

РЕПА (*смеётся*). Нет, я уже этой ерундой не страдаю.

АХИЛЛЕС. Я же сказал, это сюрприз. Сюрреалистический приз. Во как!

РЕПА (*Ахиллесу*). Нормальная реакция молодого организма на сюрпризы, я бы тоже огрызался. А дочь у тебя классная, я тебе даже завидую.

Рева бодрым, пружинистым шагом идёт в зал. Марина с кислой миной смотрит на Ахиллеса.

МАРИНА (*негромко*). Папа, ты с ума сошёл? Зачем ты меня привёл в эту грязь?

АХИЛЛЕС. Это не грязь... творческий беспорядок. Игорь ведёт замкнутый образ жизни. Он мой друг, старый и проверенный. И-и...

МАРИНА. Что?

АХИЛЛЕС (*тоном заговорщика*). У него мы узнаем про то... ну, про что мы говорили...

Рева выглядывает из зала.

РЕПА. Ну чего вы?!

Рева усаживает Ахиллеса и Марину на диван, сам располагается в кресле. В квартире наведён относительный порядок, посредине зала точно прошли тряпкой, о чём свидетельствуют грязные разводы по краям комнаты. Девушка сразу обращает внимание на старую фотографию на стене.

МАРИНА. Это ваш папа?

РЕПА. Ну да... тот, который за Брежневым,—мой отец.

МАРИНА. А-а, понятно.

РЕПА. Мой папа был большой человек, работал наверху. Так в наше время говорили: наверху... На каком верху—никто не уточнял, но все всё понимали. Ну а таких, как я, называли мальчиками-мажорами.

В присутствии Марины Репа держится с достоинством графа.

РЕПА. Марина, мы с твоим отцом служили в таких местах, где было полно разных искушений, и мы, можно сказать, стали гуру в вопросах психоделии и расширения горизонтов сознания...

МАРИНА. Так, может, вам на «Ютубе» страничку открыть?

РЕПА. Мы свободные художники и презираем условия и соглашения.

МАРИНА (*с иронией*). Вы крутые!

РЕПА. О да!

АХИЛЛЕС. Марина, Игорь мой друг... и хорошо разбирается в этом деле, и поэтому я предлагаю его послушать...

МАРИНА. Папа, я вовсе не собираюсь ни пить, ни курить. Я тогда спросила, ну, просто так.

АХИЛЛЕС. Я не вижу в твоём любопытстве ничего плохого, мы ничем не хуже президентов.

Ахиллес бодро смотрит на друга, Репа утвердительно кивает.

АХИЛЛЕС. Ну тебе же было интересно, что там у писателей с сознанием делается. Это нормально. Ну, если у тебя настроение не то... ну, мы можем в другой раз.

МАРИНА. Я не хочу пить и курить ни сейчас, ни в другой раз. Никогда. Это не моё.

АХИЛЛЕС. Откуда ты знаешь, что это не твоё? Ты что, уже пробовала?!

МАРИНА. Папа! Чтобы понять, что вышивание крестиком—это не моё, мне не надо вышивать крестиком.

РЕПА. Ну что—аргумент! Жалко, конечно, я тут речь заготовил о дурных привычках человечества. (*Ставит на стол бутылку портвейна.*) Что всё начинается с безобидного стакана портвейна.

МАРИНА. Да, конечно! Папа, ты можешь выпить и покурить с Игорем Францевичем: что мы, зря собрались, что ли?

Ахиллес округлившимися глазами смотрит на дочь. Репа трясётся от хохота.

МАРИНА. Я серьёзно. Ты и так с утра до вечера на работе. Когда у тебя последний раз посиделки были?

РЕПА. Я говорил тебе, не знаем мы их. Они, видишь, хорошие, не злые.

Репа наливает портвейн в стакан, смотрит на Ахиллеса, тот отрицательно мотает головой.

РЕПА. Папа всего зла—это стакан портвейна, об этом ещё Витя Цой спел. Ну, это не твоя история, Марина, и слава Богу!

Репа опрокидывает стакан, утирает усы. Затем как-то ненатурально, рывком, откидывается на спинку кресла, так что кресло опрокидывается, и бывший мажор летит верх тормашками. Марина, всё время бывшая начеку, при виде такого кульбита взвизгивает от смеха. Ахиллес, глядя на воздетые ноги своего друга, тоже смеётся от души. Ноги Репы начинают странно подрагивать, а из-за кресла слышатся хрипы. Ахиллес срывается с места, ставит кресло на место. Репа мешком валится вперёд, на пол. Ахиллес переворачивает Репу на спину. Его товарищ стеклянными глазами смотрит в пустоту. Атлет пытается нащупать пульс на толстой Репиной шее.

МАРИНА. Пап, он шутит? Это игра... такая?

Ахиллес упирается руками в грудь Репы и начинает делать искусственное дыхание.

АХИЛЛЕС. Нет он не шутит, набирай скорую.

МАРИНА. Ага.

Марина, бледная от страха, дрожащими пальцами набирает номер на мобильнике, телефон отвечает.

МАРИНА (Ахиллесу). Что говорить?

АХИЛЛЕС. Мужчина, пятидесяти лет... нет пульса, дыхания.

МАРИНА (в телефон). Мужчина пятидесяти лет, нет пульса и дыхания. Упал... без сознания. Две минуты назад...

Ахиллес, зажав Репе нос, шумно выдыхает воздух в его рот.

МАРИНА. Они адрес спрашивают!

АХИЛЛЕС. Улица Кирова, пятнадцать, квартира двадцать один.

МАРИНА (в телефон). Улица Кирова, пятнадцать, квартира двадцать один.

Ахиллес останавливается, прикладывает ухо к груди, слушает. Выругавшись, снова начинает толчками давить на солнечное сплетение Репы.

АХИЛЛЕС. Дочка, ты вот что...

Марина с ужасом смотрит, как голова Репы, с синими губами и неподвижным взглядом, дёргается на полу.

МАРИНА. Пап, он умер?

АХИЛЛЕС. Нет. Слушай мою команду. Сейчас выйдешь на лестничную площадку, оставишь дверь открытой и спустишься вниз.

МАРИНА. Ага...

АХИЛЛЕС. Сядешь в автобус, доедешь до Машки и будешь с ней, пока я не позвоню.

МАРИНА. А ты?

АХИЛЛЕС. А я... тут буду, скорую ждать.

МАРИНА. Может, тебе помочь?

АХИЛЛЕС (кричит). Марина! Делай, что я говорю!

Марина выходит на лестничную площадку, открывает настежь входную дверь, спускается по лестнице.

НАТ. ДВОР. ДЕНЬ

Марина выходит во двор. Ветер гонит рябь по огромной серой луже. Небо затянуто тучами, вот-вот пойдёт дождь. Девушка набирает телефонный номер.

МАРИНА. Аллё, Дань, привет. Даня, приедь, забери меня.

ИНТ. ОТДЕЛЕНИЕ МИЛИЦИИ. ДЕНЬ

Ахиллес сидит за столом, перед ним лист бумаги и ручка. Рядом СЛЕДОВАТЕЛЬ—молодой парень в форме старшего лейтенанта. Обстановка в кабинете казённая.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Экспертиза показала: смерть наступила в результате разрыва аорты как следствие хронического заболевания. (Перебирает бумаги в папке.) Случай не криминальный, дело мы заводить не будем. Вы сейчас напишите объяснительную, поскольку находились на месте событий. Ну и всё.

АХИЛЛЕС. Да, конечно.

Ахиллес подносит ручку к бумаге.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Пишите: такого-то числа я пришёл в гости к гражданину Репину И Фэ... и дальше как всё было.

Ахиллес пишет. Следователь перебирает бумаги, и в какой-то момент из папки на стол падает Репин кулон в виде двух серебряных сабель.

АХИЛЛЕС. Красивая вещь.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Да уж, сделано так сделано.

АХИЛЛЕС. Репа, то есть Игорь Францевич, с ней никогда не расставался, это у него от армии осталось.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Да-а. Я на экспертизу носил, похожая вещь в розыске, но нет, оказалось, не она. Отдадим родственникам.

АХИЛЛЕС. У него нет родственников.

СЛЕДОВАТЕЛЬ (улыбается). Ну, кто-нибудь да найдётся.

Старший лейтенант кладёт кулон обратно в папку, берёт исписанный Ахиллесом лист бумаги, пробегает по нему взглядом.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Так, ну-у, всё в порядке, вы можете идти.

Ахиллес выходит из кабинета. Следователь некоторое время сидит за столом, затем идёт к шкафчику, роется среди кулёчков, достаёт печенье, ест.

ИНТ. ОТДЕЛЕНИЕ МИЛИЦИИ, КОРИДОР. ДЕНЬ

Следователь с чайником в руках выходит из кабинета, он жуёт на ходу, дверь за собой запирает на ключ. Идёт по коридору в туалет, где набирает полный чайник воды. Из туалета он выходит в коридор и движется в обратном направлении. В этот момент за спиной Следователя появляется Ахиллес. Бывший десантник движется бесшумно, его лицо стало беспощадно жестоким, как будто он собирается снять старлея, как часового на посту.

Следователь останавливается перед дверью своего кабинета, возится с замком. Ахиллес стоит за его спиной. Следователь открывает дверь, заходит в кабинет, Ахиллес, как тень, скользит за ним.

Ничего не подозревающий старший лейтенант проходит к шкафчику, где у него подставка для чайника. Ахиллес, находясь у него за спиной, подходит к столу, открывает папку, в которую был вложен кулон.

Следователь включает чайник, кладёт в чашку пакетик с чаем. Ахиллес аккуратно, так, чтобы не было шороха, перелистывает страницы папки. Следователь достаёт из шкафчика банку с конфетами. Ахиллес листает папку, видит кулон.

Следователь резко разворачивается — перед ним Ахиллес в непринужденной позе, руки в карманах. Следователь от неожиданности негромко вскрикивает.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. О чёрт! Вы меня враспloch застали. Что случилось?

АХИЛЛЕС. Извините, я случайно вашу ручку прихватил с собой.

Ахиллес протягивает Следователю шариковую ручку, уходит.

ИНТ. МОРГ. ВЕЧЕР

Комната с низким потолком, на стенах жёлтый кафель, с потолка свисают лампочки, освещающие тусклым светом покойников на столах. В комнату входит Ахиллес, осматривается. Репа лежит особняком в парадной форме десантника. Ахиллес мимо тел идёт к своему товарищу. Репа приподнимается, смотрит на Ахиллеса.

АХИЛЛЕС. Ну, как тебе на новом месте?

РЕПА. Да ещё не понял. Не хорошо и не плохо.

АХИЛЛЕС. Я тебе сабли принёс.

Репа широко улыбается и берёт протянутый Ахиллесом кулон.

РЕПА. Вот спасибо, мне без них реально не по себе.

АХИЛЛЕС. Помнишь, кто тебе их продал?

РЕПА. Да. Звали его... звали его... его звали...

Репа застёгивает цепочку на своей толстой шее.

АХИЛЛЕС. Джамалдин.

РЕПА. Да-а, Джамалдин! Прикольный чувак, на старика Хоттабыча похож, ты ещё сказал, что все вещи в его лавке волшебные.

АХИЛЛЕС. Я пошутил.

РЕПА. А я поверил и отдал сорок долларов. И по нынешним временам нехилые деньги, а тогда вообще.

АХИЛЛЕС. Ну, сабли-то волшебные, они тебе всегда удачу приносили!

РЕПА. А я ни разу и не пожалел. Я, если бы захотел, сейчас бы их за сорок тысяч продал, влёт.

АХИЛЛЕС. Эй, кончай врать!

РЕПА. Говорю тебе! Я эти сабли на барахолку носил как-то. Тамошние спецы посмотрели, сказали — антиквариат, цены необыкновенной...

В коридоре слышатся шаги и голоса. Репа и Ахиллес одновременно поворачивают головы в сторону входной двери.

РЕПА. Кого-то несёт нелёгкая.

Ахиллес прячется за ширму. В комнату входят ГЕНЕРАЛ и ЧЕЛОВЕК В КОСТЮМЕ с орденской планкой на лацкане пиджака. Генерал подходит к Репе, некоторое время разглядывает неподвижное тело десантника.

ГЕНЕРАЛ. Ну хорошо, хорошо. Как положено всё. И погоны, и аксельбанты по уставу. Хотя — какой уже устав? Человека хороним, да-а.

ЧЕЛОВЕК В КОСТЮМЕ. Парадку еле нашли. На его-то размер. За вечер в ателье подшили.

Генерал указательным пальцем сдвигает фуражку на затылок, а потом, спохватившись, снимает.

ЧЕЛОВЕК В КОСТЮМЕ. Мы тут привлекли патристическую молодёжь. Впереди процессии понесут на двух подушках орден Красной Звезды и медаль.

ГЕНЕРАЛ. Вообще, за его подвиг Героя бы дали, если бы погиб. Да-а, почти Герой Советского Союза! А умер забытый всеми, один, как бож какой-то.

Ахиллес затаился за ширмой.

ЧЕЛОВЕК В КОСТЮМЕ. Не один. С ним был ещё наш человек, тоже афганец.

ГЕНЕРАЛ. Вот именно! Что толку, что был? Никто ему не помог! Потому что жил—ни жены, ни детей, пил, наверное. Нет чтобы прийти к нам... поговорить по душам... мы бы помогли, путёвку в санаторий или там...

ЧЕЛОВЕК В КОСТЮМЕ. Да-а, человек он был, мягко говоря, необщительный. Первые годы после Афгана ещё приходил на встречи, как-то был среди нас, потом всё, исчез.

ГЕНЕРАЛ. Чего уж теперь, после драки... *(Машет рукой.)* Я ещё помню, как о его подвиге «Правда» писала.

ЧЕЛОВЕК В КОСТЮМЕ. Да-а. Настоящий герой. Ну ничего, мы его достойно проводим. Достоинно.

ГЕНЕРАЛ. Ну что... спи спокойно, дорогой товарищ.

Генерал надевает фуражку и, прихрамывая, идёт к выходу, за ним, оборачиваясь на ходу, спешит Человек в Костюме. Ахиллес выходит из-за ширмы. Репа с закрытыми глазами неподвижно лежит на красном бархате, на шее у него поверх тельняшки поблёскивает кулон в виде двух скрещённых сабель.

ИНТ. КВАРТИРА АХИЛЛЕСА. ДЕНЬ

Ахиллес заходит в квартиру, замечает на журнальном столике лист бумаги. Разворачивает записку, читает.

ГОЛОС МАРИНЫ. Папа, я теперь буду жить у Дани, это очень дорогой мне человек, мы с ним одна семья, как вы когда-то с мамой. Это решение я приняла сама, без обсуждения с тобой. Наверное, я стала взрослая. Не обижайся. Целую, Марина.

Ахиллес тяжело вздыхает, садится на стул.

НАТ. ЛЕС. НОЧЬ

На поляне горит огромный костёр, несколько негров в экзотических нарядах бьют в барабаны,

рядом с костром на помосте навороченный диджейский пульт, внизу танцуют молодые люди, диджей за пультом прыгает, подбадривая толпу. Вольдемар и Ахиллес—в окружении молодёжи, оба слегка пьяны.

ВОЛЬДЕМАР. Может, передумаешь? Всегда можно передумать.

АХИЛЛЕС. Нет, мосты сожжены, смотри, как пылают. Рубикон мы перешли, Вольдемар, и пусть! Чем ярче пылают костры за спиной, тем светлее дорога впереди!

ВОЛЬДЕМАР. Да, поэтично.

АХИЛЛЕС. Никогда не меняй решения!

ВОЛЬДЕМАР. Это всё гордыня, хочет человек быть круче Бога! Гордыня!

АХИЛЛЕС. Вольдемар, будем прощаться. Я всегда буду помнить тебя, брат.

Ахиллес и Вольдемар слегка пьяны.

ВОЛЬДЕМАР. Тогда и я буду тебе братом названным. Целоваться не будем.

АХИЛЛЕС. Не будем.

ВОЛЬДЕМАР. Прощай, брат. Может, и свидимся.

К Вольдемару подбегает Девушка в Розовом.

ДЕВУШКА В РОЗОВОМ. Вольдемар, все люди—это радужные светящиеся оболочки, это мы, мы, мы...

Девушка в Розовом убегает в толпу. Танцующие образуют что-то вроде процессии в главе с Ахиллесом и Вольдемаром. Процессия некоторое время идёт по полю, затем спускается по широкой тропинке к воде. Хлюпя в прибрежной тине, Актёр подтягивает лодку к берегу. Девушка в Розовом подвешивает к лодочному шесту старый фонарь со свечой. Ахиллес забирается на корму, Вольдемар отталкивает лодку от берега. Негры затягивают спиричуэл.

ВОЛЬДЕМАР. Ахиллес!

Ахиллес оборачивается и машет рукой.

Рассекая воду, лодка входит в плотный туман, и сразу Вольдемар и его люди теряются в молочной пелене, слышны только грустное пение и мерные удары барабанов. Ахиллес осторожно гребёт. Рядом с лодкой проплывают кувшинки и похожие на морских чудищ коряги. Вскоре пение смолкает, и Ахиллес плывёт в тишине, нарушаемой только всплесками его весла.

Впереди мелькает огонёк. Туман расступается, лодка скользит в небольшой залив и, шаркнув днищем о песок, застывает. На берегу шатёр из белой ткани, освещённый внутри неярким мерцающим

светом. Ахиллес выходит на берег. Полог шатра откидывается, на пороге появляется девушка в прозрачной тунике с лампадой в руке. Ахиллес подходит к шатру.

АХИЛЛЕС (*с удивлением*). Адель?!

АДЕЛЬ. Неожиданно, да?

АХИЛЛЕС. Такого сказочного подарка я даже от Вольдемара не ожидал.

АДЕЛЬ. Да-а, вот такой наш Вольдемар—гений. (*Кладёт руки на плечи атлета.*) Только подарок до завтрашнего дня, а точнее—до двенадцати ноль-ноль. Как в сказке.

АХИЛЛЕС. Тогда не будем терять время.

Ахиллес подхватывает девушку на руки и несёт в шатёр.

АДЕЛЬ. Как скажешь, мой Ахиллес.

ИНТ. ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ВОКЗАЛ. ДЕНЬ

Марина резко выделяется в толпе пассажиров, она одета в розовый костюм в духе Жаклин Бувье, в руках у девушки аккуратный стильный букетик. Дания—в шикарном костюме без галстука. На парочку оглядываются. Марина нервничает.

МАРИНА. Даже в такой удобной вещи чувствуешь себя как в скафандре. Что за люди! Каждый считает своим долгом остановится и поглазеть.

ДАНИЯ. А что, тебе очень идёт. Старику понравится.

МАРИНА. Дания, предприниматель убьёт в тебе человека!

ДАНИЯ. Не убьёт, если рядом будет такой ангел, как ты.

Пара пересекает гудящий, как улей, зал ожидания и спускается в подземный тоннель. У стены тоннеля поёт ПАРЕНЬ С ГИТАРОЙ.

ПАРЕНЬ С ГИТАРОЙ

Мы обязательно встретимся, слышишь меня, прости-и.

Там, куда я ухожу-у... весна-а.

Я знаю, ты сможешь меня-а найти,

Не оставайся одна-а.

Музыкант поёт самозабвенно, закрыв глаза. Под ногами у него растаманская шапочка с мелочью. Марина роется в сумочке.

МАРИНА. У тебя монетки есть?

Дания открывает бумажник и не глядя вытаскивает из пачки денег тысячную купюру. Марина, наклонившись, аккуратно кладёт тысячу в шапочку певца. Из тоннеля Дания и Марина поднимаются на перрон.

НАТ. ПЕРРОН. ДЕНЬ

С одной стороны перрона стоит пассажирский состав, возле которого снуют обыкновенные серые людишки с чемоданами и рюкзаками. К другой стороне перрона величаво подходит скоростной поезд—яркий, европейского дизайна, он резко контрастирует со своим российским собратом. Встречающих на перроне немного, и молодые люди двигаются без задержек. Неожиданно Дания останавливается и оценивающе смотрит на Марину.

ДАНИЯ. Старику должен понравиться наш выход.

Скоростной поезд останавливается, из вагонов выходят элегантные бортпроводницы, чтобы ласково попрощаться со своими пассажирами. Марина и Дания идут вдоль перрона, Дания заглядывает в окна «европейца». Холёная, хорошо одетая, довольная собой публика не спеша двигает к выходу.

В дверях вагона появляется ОТЕЦ ДАНИИ—мужчина на шестом десятке, ещё крепкий, собравшийся для последнего жизненного рывка. За ним несколько человек охраны. Дания осторожно толкает Марину в бок, но Отец Дании уже замечает сына и радостно поднимает руки.

ОТЕЦ ДАНИИ. Ба-а, сын. Привет, привет! (*Притягивает Данию к себе и благожелательно смотрит на Марину.*) А это кто с тобой?

ДАНИЯ. Отец, познакомься, это моя невеста, Марина.

Марина улыбается и протягивает Отцу Дании цветы.

МАРИНА. Сергей Фёдорович, здравствуйте! Надеюсь, поездка была приятной?

ОТЕЦ ДАНИИ. Мариночка, поездка прошла чудесно, и, как оказалось... самое чудесное в этой поездке произошло в самом конце, я имею в виду нашу замечательную встречу. (*Галантно целует руку Марины.*) А я всё думаю, когда же этот балбес познакомит нас! (*Делает знак охране, и спортивные ребята уходят на несколько шагов вперёд.*) И вот... вдруг решил обрадовать старика?!

ДАНИЯ. Ну да, решил. Мы решили. Мы тебя любим, папа.

ОТЕЦ ДАНИИ (*благодушно*). Ой, Данька-а, стратег! А ведь момент-то выбрал правильный. А-а! Я ведь такой контракт заключил—как будто на двадцать лет моложе стал. Вот держу себя в руках, а то иначе начну танцевать.

Марина радостно улыбается и в шутку делает движения руками, как будто приглашает кавалера на танец. Отец Дании вскидывает бровь... и неожиданно для всех ловко подхватывает девушку

и начинает вальсировать. Пассажиры останавливаются, чтобы поглазеть на необыкновенное зрелище: прямо посередине перрона немолодой мужчина и совсем молодая девушка легко и красиво кружатся в вальсе.

Марина резко останавливается, она чувствует на себе чей-то взгляд. В нескольких метрах, там, где обыкновенный пассажирский поезд, стоит человек в камуфляже и внимательно смотрит на девушку. Марина, забыв обо всём на свете, бежит к человеку в камуфляже. Подбежав, крепко хватается его за локти. Ахиллес растерян и подавлен.

АХИЛЛЕС. Маринка!

МАРИНА. Папа, ты что? Ты уезжаешь?

Ахиллес изменился: вместо длинных волос у него короткая стрижка, одет он в куртку военного образца, под курткой у него тельняшка, на ногах — высокие ботинки.

АХИЛЛЕС. Маринка. Ты так танцуешь... а я и не знал, что у тебя так хорошо получается. Еду, да.

На глазах у Марины выступают слёзы. Из тамбура выглядывает озабоченная проводница.

ПРОВОДНИЦА (Ахиллесу). Мужчина, отправляемся, заходите.

Состав плавно трогается. Ахиллес, держась за ручку поручня, идёт за вагоном.

АХИЛЛЕС. Я приеду обязательно.

МАРИНА. Папа, это из-за меня?!

АХИЛЛЕС. Нет, нет... Что ты дочка?..

МАРИНА. Папа, это из-за меня! Ты меня... прости, всё же можно исправить!

Состав ускоряется.

МАРИНА. Не уезжай. Я вернусь, сегодня же буду дома, мы с тобой телек будем смотреть.

Марина продолжает идти за вагоном.

АХИЛЛЕС. Маринка, ты тут ни при чём. Я, наоборот, рад за тебя... рад, что у тебя всё хорошо, ты умница. Я же просто...

Губы Ахиллеса начинают непроизвольно прыгать, он заскакивает на подножку вагона.

АХИЛЛЕС (строго). Ну, Маринка, не плачь...

Поезд набирает скорость, Марина бежит за вагоном, некоторое время ей даже удаётся не отставать. Ахиллес машет рукой, показывая, что ей надо остановиться. Перрон заканчивается, Марина останавливается у края платформы. Ахиллес висит на подножке до тех пор, пока не теряет дочь из вида.

ИНТ. ВАГОН, КУПЕ. ДЕНЬ

В купе трое мужчин. Один — совсем молодой, лет двадцати, второй — почти старик, и ещё один — лет сорока. Входит Ахиллес, садится на своё место. Его попутчики разбирают вещи. Ахиллес смотрит в окно. Поезд проезжает мимо бесконечных товарных составов и выезжает на окраину города.

Поезд, в котором едет Ахиллес, догоняет другой пассажирский состав, идущий параллельным курсом. Вагоны сближаются, и Ахиллес видит в купе напротив молодую женщину. Женщина смотрит в окно, но не замечает Ахиллеса. Ахиллес припал к стеклу: его случайная попутчица очень похожа на женщину на портрете в его квартире. Ахиллес машет рукой, но женщина этого не видит. Поезд с женщиной отстаёт, и за окном снова проносятся бескрайние поля и зазеленевшие недавно перелески.